

ИСТИНА И ЕЁ ПОЗНАНИЕ

Аннотация. На протяжении многих столетий человек пытался найти истину. Поиск истины часто определяет смысл жизни как отдельного человека, так и общества в целом. Но что мы подразумеваем, когда говорим об истине? Оказывается, что это понятие понимается далеко не однозначно. Существуют различные интерпретации истины и различные подходы к ней. А некоторые философы вообще отрицают существование истины и необходимость употребления этого понятия.

Ключевые слова. Истина, отражение, критерий, прагматизм, верификация, фальсификация, аксиология.

Все проблемы бытия и познания так или иначе связаны с наиболее важной и существенной: что такое истина и как её познать? Споры об этом велись на протяжении многих тысячелетий и не утихают до сих пор. Ещё в Древней Греции полагали, что истина — это знание о незнании, парадокс: как мы можем искать то, чего не знаем, а если знаем, что ищем, то что же нам ещё искать? Концепции истины всегда содержат в себе онтологическое допущение о том, что понимать под истиной («Истина — соответствие знаний действительности»; «Истина — опытная подтверждаемость»; «Истина — свойство самосогласованности знаний»; «Истина — полезность знания, его эффективность»; «Истина — соглашение, конвенция, договор»), однако оно ещё позволяет трактовать теорию истины однозначно: можно понимать истину как соответствие знания реальности, но на вопрос, как устанавливать подобное соответствие, существуют разные ответы.

Истину понимают как в узком, так и в широком смысле. Узкая трактовка истины соотносит понятие истины с логически правильно построенными предложениями естественных и искусственных языков, с утвердительными суждениями субъектно-предикатного вида, к которым применима бинарная истинностная оценка (истина — ложь); в рамках этой позиции существует понятие теоретической истины, «относящееся к семантическим связям внутри сложных концептуальных образований и не предполагающее сопоставление ни с какой онтологией, кроме производной от данной теоретической системы» [6, 169]. Широкая трактовка истины характерна для философии, этики, эстетики, религии, культуры; в этих рамках истинным может быть и модальное суждение (моральная норма, эстетический идеал, критическая оценка), вопросительное предложение, философская или научная проблема, неявно выраженное убеждение, практическое действие. В качестве примера широкой трактовки истины приведём позицию Н.А. Бердяева: «Не может быть истины о том, что мир есть лишь бессмысленная необходимость, потому что исключительная сила необходимости есть власть тьмы, в которой нет истины, нет пути к освобождению. Или истины вообще нет, и нужно прекратить всякие философские высказывания, или истина есть творческий свет, освобождающий и осмысливающий бытие» [1, с. 281].

Поиск истины осложняется делением мира на субъект и объект, на Я и не-Я. Соответственно, опыт познания часто связывают с воздействием внешнего мира на познающего субъекта. Так знание превращается либо в копию мира, либо в состояние сознания познающего субъекта, созерцающего мир. Сегодня философы всё больше обращают внимание на историзм субъект-объектного отношения, заданность его только в определённом, картезианском контексте, на то, что в познании и деятельности с необходимостью присутствуют и субъект-субъектные отношения, которые накладывают определённый отпечаток на решение проблемы истины. На преодоление субъект-объектной дихотомии давно претендует и религиозная философия, которая утверждает, что «только такая соборная, церковная гносеология, исходящая из изначальной данности Божественного Логоса в нас, может возвыситься над антропологическим и психологическим релятивизмом... Церковно-соборное сознание предшествует разделению и распадению на субъект и объект. Вне церковного опыта субъект и объект неизбежно остаются разорванными, разделёнными и мышлением не могут быть воссоединены» [1, с. 73-74].

Хорошо известны три традиционные концепции, раскрывающие природу истины: концепция корреспондентной истины (истина как соответствие), концепция когерентной истины (истина как согласие) и концепция прагматической (практической) истины (истина как полезность). В корреспондентной теории истины главным является положение, согласно которому истина есть соответствие мыслей действительности. Такое понимание истины здравым смыслом выразили ещё Платон и Аристотель, поэтому эту концепцию часто называют «классической» концепцией истины. Истина как корреспонденция объективна и существует вне и независимо от человека и его намерений, от того, признаётся ли она в определённый период времени или нет. Если наш мысленный образ вещи, ситуации, мира в целом похож на саму вещь, ситуацию, мир сам по себе, то этот образ истинен. Он помогает нам ориентироваться в мире и успешно действовать. Эта идея нашла выражение в марксистской «теории отражения», согласно которой истина и наше сознание в целом представляют собой отражение внешнего мира, причём слово «отражение» несёт в себе мысль о зеркале, сходстве отображаемого с отображением. До тех пор пока понятие истины использовалось в этом не очень определённом виде, особых трудностей с его употреблением не возникало. Считалось, что научное знание даёт нам более или менее адекватную картину действительности и в этом смысле оно истинно. Мысль Канта о том, что сама по себе объективная действительность нам не дана и можно говорить лишь о соответствии знания данным опыта, которые существенно зависят от нашей собственной рассудочной деятельности, не смогла серьёзно поколебать эту веру.

Тем не менее, классическое определение истины наталкивается на серьёзные трудности. Во-первых, остаётся неясным, что означает «соответствие» мысли действительности. О каком сходстве можно говорить, когда мы сравниваем предмет и мысль о нём? Ни о каком буквальном сходстве или соответствии речь здесь идти не может, словосочетание «соответствие мысли действительности» — метафора. Мысль ничем не напоминает то реальное

положение вещей, которого она касается, ибо мысль и вещь — два совершенно разных вида бытия: «Когда я думаю о Гималаях, ни я — тот, кто думает, — ни мой мыслительный акт не похожи на Гималаи: Гималаи — это горы, занимающие огромное пространство, моя мысль ничем не напоминает горы и не занимает ни малейшего места» [18, с. 57]. Во-вторых, остаётся неясным, каков критерий истины, каковы его признаки, как узнать, где истина, а где ложь, как отличить истину от заблуждения? Истинность знания определяется с помощью критерия истины, который включает в себя предпосылку об особом характере реальности, особую онтологию. Онтологией обычно называется совокупность объектов, существование которых предполагается теорией, поэтому в качестве критерия истины может выступать и логическая согласованность знания, и практика, и эффективность, и опыт, и конвенция, и верификация, и фальсификация и пр. В-третьих, на смену одним представлениям о мире приходят новые представления, в свете которых старые оказываются ложными. Происходят кардинальные изменения в понимании мира, разрушающие прежнее знание как устаревшее, отжившее, наивное и отбрасывающие его как ненужный хлам. Классическая концепция оперирует двумя понятиями — истина и ложь. Взглянув на предшествующие нам идеи и теории, мы обнаружим, что все они — или, по крайней мере, большая часть — ложны. Но как цепь заблуждений могла привести к современной истине? Как люди могли руководствоваться исключительно ложью? Значит, оценка истории познания требует каких-то новых понятий либо изменения смысла классического понимания истины.

Истина часто рассматривается с позиций абсолютности и относительности. Так, существует точка зрения, что истина всегда абсолютна, она остаётся истиной во все времена. М. Мамардашвили, например, считал, что «если бывают истины, то они бывают только абсолютными. Вопреки принятой теории, никаких относительных истин не существует, существует только относительное знание. А истина всегда абсолютна» [15, с. 153]. В данном контексте истина не просто фиксирует соответствие чего-то с чем-то, — она онтологична, не зависит от человека. Такая истина не может быть относительной — относительными могут быть только знаково-логические построения знания. Познание такой истины мыслимо только как осознание своего бытия в Истине, что возможно только практически. «Если личность, — пишет С.Л. Франк, — есть подлинно образ и подобие Бога, то она, и только она одна, есть единственно адекватное выражение истины... Истина в своей основе есть не суждение, а *живое бытие*, данное в форме личности» [27, с. 89-90].

Другая позиция различает абсолютную и относительную истину. В Средние века полагали, что абсолютная истина — это истина в уме Бога, она является вечной и неизменной. Относительная же истина — истина в уме человека, который никогда не сможет обрести абсолютно истинного знания, но будет постепенно приближаться к такому знанию. Возникает убеждение, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин, а познание мира — это цепь переходов от одних относительных истин к другим относительным истинам, которые стоят всё ближе и ближе к абсолютной истине, но никогда не смогут совпасть с ней. Эту идею позаимствовала и марксистско-

ленинская философия, согласно которой есть истины относительные и абсолютные, абсолютная истина складывается из относительных истин. В.И. Ленин утверждал, что человеческое мышление по природе своей способно давать и даёт нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зёрна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания [11, с. 137]. Замена одних научных теорий другими, всё возрастающая детализация и углубляющееся понимание мира истолковываются здесь как процесс постепенного, но никогда не завершающегося, асимптотического приближения к истине. Подобное понимание делает процесс развития науки направленным к некоторой цели, придаёт ему телеологический характер, но при этом телеологические образы сосуществуют с тем, что делает их бессмысленными, — с «аксиомой бесконечности», согласно которой подлинная, то есть абсолютная истина, недостижима (хотя элементы абсолютности есть во всякой относительной истине). Поскольку процесс познания бесконечен, то достижение абсолютной истины скрывается в этой бесконечности.

Для третьей позиции характерно убеждение, что истины могут быть только относительными. В соответствии с ней наши истины — это не «абсолютные истины», но «рабочие гипотезы», которые мы должны быть готовы сменить, отбросить, если они противоречат новым фактам. При таком подходе снимаются неоправданные ожидания полного совпадения или полного несовпадения реального мира и нашего представления о нём, и знание не оценивается эталоном «абсолютной истины». Так, согласно К. Хьюбнеру, «у нас нет ни малейшего основания для того, чтобы принять понятие абсолютной истины, к которой мы постепенно приближаемся, поскольку в нашем распоряжении нет ни абсолютных фактов, ни абсолютных предпосылок, способных указать нам путь... Новые горизонты возникают перед нами и исчезают вновь; горизонты, приносящие с собой новое видение и опыт. Мы в состоянии распознать и использовать их связь лишь с некоторой наличной ситуацией, но вовсе не с какой-то воображаемой и абсолютной истиной» (Цит. по: [24, с. 230]). Само собой разумеется, что такая трактовка истины не считает её независимой от человека или от человечества.

Четвёртая позиция характерна для тех авторов, которые вообще не признают понятия истины, считая его излишним либо вводящим в заблуждение. Например, Т. Кун, Ст. Тулмин, И. Лакатос вообще не используют понятие истины, а П. Фейерабенд, А.М. Лобок, А.П. Назаретян отождествляют истину с мифом, полагая, что вера в то, что существует внешнее по отношению к человеку, полное и абсолютное знание о мире — это имманентная черта остатков мифологического мышления. А.М. Лобок пишет: «Любая истина, принятая за таковую в той или иной культуре, функционирует по законам мифа: она никогда не сводима к данным непосредственного восприятия. Апелляция к истине есть всегда апелляция к коллективному опыту. А это значит, в сущности, что любая истина это и есть миф — нечто принимаемое человеком на веру как факт

культуры. И любой человек видит мир не так, как диктует ему непосредственный опыт, а так, как диктует ему другая, более высокая, чем непосредственный опыт инстанция — инстанция культурных истин. Эти культурные истины и есть мифы, которые задают человеку определённую размерность восприятия мира и заставляют его подстраивать мир под эту — ту или иную — мифологическую размерность. Другое дело, что эту свою мифологическую размерность человек упорно именуется истиной» [13, с. 17]. Противоречающие друг другу представления в контексте этой позиции видятся уже не взаимоисключающими, а взаимодополнительными. Разнообразие возможных моделей предполагает их конкуренцию не по степени близости к истине, а по прагматическим критериям. А.П. Назаретян утверждает: «Осознание функциональности, неустранимой субъектности знания как такового, его принципиальной незавершённости делает отношение человека к миру скептическим и мудрым... Задача научных исследований — не поиск Истины, а построение эффективных моделей мира, позволяющих, с одной стороны, повышать инструментальный потенциал интеллекта и, с другой — совершенствовать механизмы самоограничения» [19, с. 108]. Эту позицию разделяет и И.Н. Ионов: «для историка очевидно, что идеал истинностного знания в науке тесно связан с теологической традицией, приписывающей истинность только знаниям о боге, который сам и есть Истина... История как наука способна существовать и без доминирования мифологемы «истины», преследуя в основном идеал «пользы» [6, с. 109].

Согласно корреспондентной концепции истины есть только одна реальность, и может быть только одно её адекватное отражение, одна истина. Такое нормативное истолкование понятия истины лежит в основе монолинейного образа познания, построенного на убеждении в самоидентичности и неизменности разума. При этом очевидно, что магия, миф, религия не имеют к истине никакого отношения. Философская оценка в этом случае строится не на основе того, что рационально в себе и для себя, а на основе выяснения, соответствует это реальности или нет? Поскольку реальность одна, то ясно, что несовместимые теории не могут все вместе соответствовать ей. Если какие-то представления несовместимы с современной наукой, то значит, они ложны. Сама же достоверность знания часто понимается как достоверность отражения, копирования, описания, которые могут быть проверены опытным путём. На наш взгляд, истина — это действительно соответствие наших знаний объективной реальности, но истина — не объективная реальность сама по себе. Истина неизбежно включает в себя человеческое понимание, объяснение, освоение этой реальности. Соответствие знаний реальности устанавливается в человеческом языке, мышлении, понятиях. Это не зеркальное отражение, не отпечаток реальности в человеческом мозгу, не копирование-фотографирование, а перевод реальности на понятный человеку язык, интерпретация, толкование мира человеком. Следовательно, соответствие знаний реальности предполагает определённый масштаб, который устанавливается самими людьми. На то, что субъект — не копирующая машина, а знание — не дубликат действительности, обращают внимание ведущие российские специалисты в области теории познания: «познание не является «копированием» действительности, но

предстаёт преимущественно как процесс выдвижения субъектом предположений, т.е. принципиально иной процедурой, фундаментальным условием которой становится система личностных, культурно-исторических, предметно-практических предпосылок, установок, в целом ценностных ориентаций субъекта» [16, с. 22]; «рациональное сознание никогда не копирует и не может копировать, «отражать», пользуясь печально известным термином, реальную ситуацию, оно активно строит её гипотетическую модель, которая служит предпосылкой для построения плана, программы, проекта деятельности» [29, с. 44].

Современное познание опирается на математику, которую ещё Спиноза считал панацеей от антропоморфизма. Однако уже Ф. Ницше заметил, что надежда на математическое устройство мира — это тоже антропоморфизм. Устанавливаемая научным познанием истина почему-то удачно устроена как структура самого бытия. Наша объективная истина, по Ницше, — способ препарировать действительность, способ извлечь наибольшую пользу. В ссылках на то, что человек и его разум возникли из природы, поэтому разум родствен природе, присутствует антропоморфизм. Человек из природы, поэтому человек познаёт природу, поэтому истина природы открыта человеку. Почему? Почему наука — это познание истины, а не способ интерпретации природы в соответствии с человеческими потребностями? Математическая объективность, очистка от мифа не очистила истину от человека; человек перестал разрисовывать мир человекообразными картинками, чтобы оцепить мир сетями «концепций». Объективность обеспечивает, чтобы каждый мог усвоить, понять, воспроизвести нужное знание. Первый шаг научного исследования — так называемое «представление» данных, то есть фиксация их в виде, пригодном для применения к ним математизированных формул, — равен жёсткому препарированию происходящего. Наука видит только «представленное», то есть взятое схемой, и что не представлено, то не существует. По Ницше, научная истина «есть род заблуждения, без которого некоторый определённый род живых существ не мог бы жить» (Воля к власти, § 493). Человек «полагает перспективу», конструирует мир, формирует, оценивает; разумное мышление есть «интерпретирование по схеме, от которой мы не можем освободиться», ценность мира оказывается укоренённой в нашей интерпретации. Всегда остаётся зазор между изменчивым миром и устойчивыми, «понятными» схемами и логикой [21, с. 491].

Понимание реальности, которым оперирует классическая концепция истины, было относительно простым. Современное понимание реальности чрезвычайно усложняется, поскольку сейчас наука понимает под реальностью не только эмпирические, но и теоретические объекты. Объект реального мира на базисном уровне природы представляет собой своеобразный хаос элементарных частиц. Учёные признают, что характеристики элементарных частиц зависят от условий эксперимента. Каковы же эти частицы на самом деле? И насколько правомерно использовать самое это понятие — частица? Где здесь часть и целое? В. Гейзенберг пишет: «Можно привести соображение, касающееся вопроса, часто задаваемого дилетантами относительно понятия элементарной частицы в

современной физике. Почему физики говорят о том, что элементарные частицы не могут быть разложены на меньшие частицы? Ответ на этот вопрос отчётливо показывает, насколько современное естествознание абстрактнее греческой философии. Наше соображение на этот счёт примерно такое: как можно разложить элементарные частицы? Единственные средства эксперимента, имеющиеся в нашем распоряжении, — это другие элементарные частицы. Поэтому столкновения двух элементарных частиц, обладающих чрезвычайно большой энергией движения, являются единственными процессами, в которых такие частицы, пожалуй, могут быть разложимы. Они распадаются при таких процессах иногда даже на много различных частей. Однако сами составные части — снова элементарные частицы, а не какие-нибудь маленькие части их, и их массы образуются из энергии движения столкнувшихся частиц. Другими словами: благодаря превращению энергии в материю составные части элементарных частиц — снова элементарные частицы того же вида» [4, с. 37-38].

В корреспондентной концепции истины представление о субъективной (субъектной) стороне познания разработано плохо. Обычно считается, что истина не зависит от познающего субъекта, по мере возрастания субъективности знание теряет в истинности, поэтому субъект должен оставаться в подчинённом объекту состоянии. Например, марксистское положение о конкретности истины требует всеобъемлющего и детального исследования объекта познания, установления его важнейших и существеннейших свойств, взаимосвязей, тенденций развития и т.п. При этом предполагается, что чем большую область знания занимает отнесённость к субъекту, тем больше знание теряет в истинности и объективности, и потому субъект следует ограничивать абстрактным, подчинённым объекту состоянием, а в идеале вообще выводить за пределы знания. Такое представление об истине отчуждает субъекта от результатов познавательного процесса и обесмысливает знание.

Согласно диалектическому материализму «понятия у нас в голове» суть «образы реальных вещей». Вещи существуют независимо от нас и отражаются в нашем сознании как идеи. В.И. Ленин определял материю как то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущения; «материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях». Однако уже Беркли заметил: если материя не есть ощущение, но то, что «вызывает ощущения», то у нас нет доказательств существования материи. Стремясь преодолеть эти трудности, сторонники диалектико-материалистической теории познания объединяют идею корреспонденции с прагматистским подходом к истине и в качестве наиболее общего критерия истины предлагают рассматривать практическую деятельность: истина — это соответствие наших знаний реальности, а критерий этого соответствия — практика. У Маркса в «Тезисах о Фейербахе» говорится: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос». Ф. Энгельс также указал на практику как на то средство, которое помогает преодолеть нам барьер чувственно данного и вступить в контакт с самим внешним миром, с «вещью в себе». Эта сторона марксизма сближает его с прагматизмом. Казалось бы, всё просто: если хочешь установить, истинно знание или ложно, то

используй его в практике и успешное использование даёт положительный ответ. В. И. Ленин кратко сформулировал этот подход в словах: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины» [12, с. 152-153]. Однако, в сущности, самые сложные вопросы возникают именно с принятия данного тезиса.

Прежде всего, что следует понимать под практикой? В рамках марксистско-ленинского понимания истины практика понимается чрезвычайно широко, это — активная чувственно-предметная, материальная деятельность людей, направленная на преобразование реальной действительности. Она и источник познания, и основа познания, и цель познания, и критерий истины. Важнейшими формами практики являются и материальное производство (труд), и социальное действие, и научный эксперимент. При этом сторонники данной позиции признают, что практика неоднозначна и внутренне противоречива. Она не противостоит сознанию, а является его основой и вместе с тем включает в себя сознательную деятельность. Утверждается, что «практику нужно брать во всё её объёме, во всей сложности, подвижности, противоречивости. Необходимо учитывать объективные закономерности её изменения, а также тенденцию и направление этих изменений. Только в этом случае изменяющаяся практика может быть основой и критерием развивающегося объективно-истинного знания» [2, с. 354]. Такое понимание практики многозначно, туманно, расплывчато. Конечно, в некоторых случаях критерий практики помогает нам отличить истину от заблуждения. Однако «всемирно-историческую практику человечества» ввести в конкретное научное исследование невозможно, на уровне методологии науки этот критерий «не работает». А отдельные фрагменты человеческой практики не полны, не завершены, да ещё и теоретически нагружены, т.к. научный факт и теорию невозможно строго отделить друг от друга. Известно, что суждения факта коррелятивны методам их получения, факты истолковываются в терминах теории, их содержание определяется не только тем, что устанавливается ими, но и тем, какое место в теоретической системе они занимают.

Итак, либо в наших исследованиях будет преобладать частная практика, либо мы будем пользоваться расплывчатым и неопределённым критерием практики вообще — такова проблема, с которой сталкивается марксистско-ленинская теория истины. Крайняя размытость понятия практики в марксизме может служить «обоснованию» чего угодно, потому что в истории науки и человеческого общества всегда можно найти такие примеры, которые подтверждают или опровергают любые тенденции, связи, закономерности. Поскольку само понятие практики нагружено теорией, то практическое обоснование истины, как правило, носит конъюнктурный и релятивный характер. Примеров тому несть числа. Достаточно вспомнить, с каким упорством большевики от науки боролись с буржуазной физикой, генетикой, кибернетикой, философией, историей, языкознанием, социологией. Когда понятие практики становится «безбрежным», диалектический материализм использует софистический приём, отказываясь признать практику в качестве универсального критерия истины. В.И. Ленин, например, утверждал, что «критерий практики

никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления» [2, с. 145-146]. Зачем же было, спрашивается, «огород городить»?

Иногда, говоря о практике как критерии истины, подразумевают, что условием непосредственной проверки знания на истинность служит его прикладной характер, то есть переводимость на язык практических потребностей и задач. Вопрос об истинности знаний в данном случае неявно подменяется вопросом об их полезности. Наши утверждения и концепции проверяются практикой, которая показывает, что одни концепции лучше и плодотворнее других. В таком контексте истина рассматривается не как актуальное обладание совершенным и полным знанием, но как процесс приближения к идеалу. Тем самым понятие практического успеха, который является свидетельством успеха теории, подменяет понятие реальности самой по себе. Руководствуясь теми или иными представлениями, люди, группы людей действуют, и их деятельность служит пробным камнем их представлений. Если они добиваются успеха, то их представления истинны; если терпят поражение — это свидетельствует о ложности их взглядов. Представленная в таком виде, апелляция к практике сразу же обнаруживает свою несостоятельность. *Во-первых*, ложные идеи и теории часто приводят к плодотворным техническим и практическим результатам, о чём свидетельствует история медицины, история создания паровой машины, история алхимии и т.д. Практика может подтверждать ложное, ошибочное и вообще не имеющее объективного референта знание, и это знание способно приводить деятельность к заданному результату. Она может с успехом подтверждать истинность ложной теории и на протяжении длительного времени быть «критерием истины». Например, на уровне обыденного восприятия существует убеждение, что «солнце всходит и заходит», и практика уже много тысячелетий подтверждает данный «факт». Мы ориентируемся на местности, исходя из того, что Солнце и весь небосвод вращаются вокруг Земли. Поэтому практический успех ещё не может служить критерием истинностной оценки. Если же речь заходит о научных теориях, то само понятие практики становится размытым, неопределённым. Неукоснительное требование теории отражения постоянно сверяться с чувственным опытом и с практической деятельностью говорит об абсолютизации чувственно-практических возможностей человека. *Во-вторых*, часто успех в социальной жизни определяется не воззрениями, а социальной организацией, и человек с глубоким пониманием движущих пружин социальной жизни терпит поражение там, где торжествует конформизм, ориентирующийся на внешние и сиюминутные факторы.

Если знание демонстрирует свою эффективность длительное время, то оно оценивается как подтверждённое практикой и называется адекватным, то есть приемлемым вообще, вне связи с конкретной практикой. В качестве решающего фактора в данном случае рассматривается фактор времени. Величина интервала, достаточного для признания знания адекватным, устанавливается без всяких объективных критериев, просто по общему согласию. Кратковременность жизни вынуждает рассматривать фактор времени как решающий при всём отсутствии объективных критериев по поводу достаточности того или иного временного

интервала. Понятие нормы вообще производно от понятия времени и пространства в том смысле, что всякое совершенство оценивается с точки зрения возможности его достижения в условиях пространственно-временного континуума, соразмерного человеку [16, с. 231].

Учёные прошлого под практикой часто понимали эмпирические данные, факты, рассматривая их как абсолютно достоверный фундамент науки, который формируется в результате непосредственного восприятия действительности. Считалось, что научные факты лежат вне теории и совершенно не зависят от неё. Использование различных приборов и устройств рассматривалось как простое усиление органов чувств человека. Так называемый фактуализм указывает на автономность факта, на его независимость от теории, утверждает инвариантность фактов и языка наблюдения по отношению к сменяющим друг друга теориям. Установленные факты не могут исчезнуть или измениться, они могут лишь накапливаться. Факты и их комбинации существуют до процесса познания, и задача познающего субъекта заключается лишь в их констатации. Теория может стимулировать разработку новых приборов и инструментов, однако это только расширяет сферу обнаруживаемых учёными фактов или позволяет устанавливать их с большей точностью. Учёный при этом оказывается похож на фотографа, который копирует природу, стремится сделать фотографию зеркальной копией оригинала. Наивный реализм, опирающийся на представление о познании как отражении, копировании, до сих пор живёт и функционирует как одна из мировоззренческих предпосылок научных исследований.

Современная наука исходит из того, что эмпирическое познание всегда включает в себя и теоретические представления. Всё, что учёный видит в микроскоп, телескоп или воспринимает посредством того или иного усилительного устройства, нуждается в интерпретации. Само по себе показание прибора не может рассматриваться как научный факт. Оно становится таковым, когда соотносится с изучаемым объектом, что обязательно предполагает обращение к теориям, описывающим работу используемых приборов и различных экспериментальных приспособлений. Как пишет Дж. Гибсон, «назначение любого прибора — служить инструментом познания. Одни приборы просто увеличивают объём информации, доступной зрению. Другие, такие, например, как стереоскоп, требуют некоторого размышления. Есть, наконец, и такие приборы (камера Вильсона, например), использование которых предполагает умение логически мыслить» [5, с. 368]. Эмпирическая проверка, техническое применение способны дать лишь частичное подтверждение теории, но этого совершенно недостаточно, чтобы утверждать истинность теории в смысле того, что она даёт адекватное отображение реальности.

Теории весьма непросто связаны с объектами, которые они должны описывать. Научная теория несёт на себе не только черты объекта познания, но и специфические характеристики знания, процесса познания. Если в оптике принимают ньютоновскую теорию света, то интерпретируют свет в терминах механики; если принимают теорию Максвелла, интерпретируют то же самое явление в терминах электродинамики. Если цель научного познания в том, чтобы

проникнуть в сущность явлений и описать объективную реальность, то исследователь должен построить интерпретацию научной теории. Только после этой работы научная теория превращается в знание; без такой интерпретации она представляет собой лишь технический аппарат, при помощи которого можно формально манипулировать эмпирическими данными. Выявление онтологического и гносеологического содержания теории не может осуществляться без определённых представлений об общих характеристиках бытия и процесса познания [20]. Выдвигая тезис об онтологической относительности, У. Куайн утверждает, что нельзя некритически принимать онтологию теории в качестве чего-то существующего абсолютно, независимо от языка теории [10]. Такой некритический подход обычен в естествознании: ведь говорят о квантовых состояниях электронов, атомов и молекул как об объективно существующих, независимых от достигнутого уровня в развитии научного знания. Иногда философы говорят о некоей картине мира, лежащей в основе теоретического знания, а не продуцируемой из него.

Иначе говоря, ссылка на практику как на универсальный критерий истины и на учение о соотношении абсолютной и относительной истины перестаёт «работать» на том уровне анализа, к которому пришла философия науки в XX веке. Хотя предложено немало решений указанных проблем, но пока среди них нет ни одного, которое не порождало бы, в свою очередь, ещё более трудных вопросов. Поэтому многие философы и учёные предпочитают вообще не говорить об истине. Некоторые же предлагают отказаться от классического понимания истины и выработать какое-то иное истолкование этого понятия. К примеру, К. Поппер верит в то, что человек может получить истинное знание о мире, однако он отвергает существование критерия истины — критерия, который бы позволил нам выделить истину из всей совокупности наших убеждений. Даже случайно натолкнувшись на истину, мы не можем сказать, что это — истина. Ни непротиворечивость, ни подтверждаемость эмпирическими данными не могут служить критерием истины. Любую фантазию можно представить в непротиворечивом виде, а ложные верования часто находят подтверждение. Так, учение астрологов о влиянии звёзд на судьбы людей подтверждается громадным эмпирическим материалом. Если подтверждение не способно дать нам уверенности в том, что мы нашли истину, то оно не имеет никакой ценности. Однако, считает Поппер, мы имеем возможность опровергнуть наши предложения и теории с помощью фактов и такое опровержение даёт нам полную уверенность в том, что перед нами ложь. Таким образом, критерием научного статуса теории, согласно Попперу, является её фальсифицируемость, то есть эмпирическая опровержимость. Мы не способны установить истинность наших убеждений, но способны установить их ложность. Наука не способна дать нам истину, но освобождает нас от заблуждений и предрассудков. Нельзя выделить истину в научном знании, но, выявляя ошибку и ложь, можно приблизиться к истине. Идея истины для науки является регулятивным идеалом, побуждающим учёных отбрасывать опровергнутые теории и создавать новые. Поппер сравнивает истину с горной вершиной,

закрытой облаками, к которой мы стремимся, хотя никогда не уверены в том, что поднялись именно на неё.

Поппер подчёркивает конвенциональный характер эмпирического базиса, отвергает индукцию, его метод — это метод проб и ошибок, включающий только дедуктивные рассуждения. В методологическом описании развития научного знания Поппер заменяет понятие «истина» понятием «приближение к истине», то есть понятием «степень правдоподобия». Чем больше истинное содержание теории и чем меньше её ложное содержание, тем ближе эта теория к истине. Нельзя с уверенностью утверждать, что одна теория более правдоподобна, чем другая, можно лишь высказать предположение об этом. Поппер остаётся приверженцем теории объективной истины — истины как соответствия утверждения фактам и абсолютной истины: если точно сформулированное утверждение истинно в одном языке, то любой корректный перевод его на другой язык также будет истинным. Данная теория, считает он, оказывается мощным бастионом, противостоящим релятивизму и всем его разновидностям. Она позволяет нам говорить о заблуждении и его устранении, о науке как поиске истины [22].

И. Лакатос заметил: убеждение Поппера, что противоречие между теорией и фактами является свидетельством ложных теорий, ошибочно. Всякая новая теория противоречит тем или иным фактам и такие противоречия устраняются лишь с течением времени — по мере разработки теории, уточнения или переинтерпретации фактов. Однако полностью такие противоречия не исчезают никогда. В случае столкновения теории с фактом мы констатируем противоречие, но чем оно обусловлено — ложностью теории или некорректностью факта — сказать нельзя. Поэтому как подтверждаемость не может служить обоснованием истины, так и опровергаемость ещё не обосновывает ложности. Но если ни истина, ни даже ложность наших теорий не могут быть установлены, то понятие истины оказывается совершенно излишним и может быть устранено из методологических построений. Если Поппер считал, что истинность наших убеждений мы не можем установить, но наука освобождает нас от заблуждений, то Лакатос показал, что даже и ложность наших убеждений мы не можем установить с несомненностью.

Л. Витгенштейн настаивал на том, что как бы ни было велико число подтверждающихся следствий, положение, из которого они выведены, всё равно остаётся вероятным. Никакие следствия не способны сделать его истинным. Непосредственное наблюдение того, о чём говорится в утверждении, даёт уверенность в его истинности, но область применения такого наблюдения ограничена. Витгенштейн приводит такой пример. Члены одного племени считают, что их вождь своими ритуальными танцами способен вызвать дождь. На каком основании мы, европейцы, полагаем, что эти люди ошибочно связывают танец вождя с дождём? Если их система взглядов так же согласована, как и наша, то мы не можем судить о них с точки зрения наших представлений и нашей практики. Если, допустим, мы ссылаемся на статистические данные в пользу того, что ритуальные танцы не имеют никакого отношения к дождям, племенной вождь объяснит нам, что боги капризны, то есть если после танца

дождь идёт, это подтверждает, что танец способен вызвать дождь; если после танца дождя всё-таки нет, это подтверждает, что боги капризны и не обращают внимания на танец. Этому объяснению защитник современной картины мира не сможет противопоставить ничего, что было бы убедительным для тех, кого он хочет убедить. Общий вывод Витгенштейна скептичен: обратить инакомыслящего разумными доводами невозможно. В таких случаях можно только крепко держаться за свои убеждения и ту практику, в рамках которой они сложились, и объявить противоречащие взгляды еретическими, безумными и т.п. Люди верят в капризных богов, в гадание, в независимое существование физических объектов потому, что они обучены выносить свои суждения и оценки на основании этих предпосылок. Когда меняется система воззрений, меняются понятия, а вместе с ними меняются значения всех слов. На инакомыслящих можно воздействовать не рассуждениями и доводами, а только твёрдостью собственных убеждений, убедительностью, граничащей с внушением. Если таким образом удастся повлиять на человека другой культуры, это никоим образом не будет означать, что наши убеждения по каким-то объективным основаниям предпочтительнее, чем его воззрения. Этот пример показывает, что подтверждение следствий лишь повышает правдоподобие обосновываемого утверждения, но не способно сделать его достоверным. При этом само правдоподобие носит во многом субъективный характер. Положение, весьма правдоподобное для представителей одной культуры и одних верований, может показаться маловероятным для тех, кто принадлежит к другой культуре и придерживается иных верований.

«Языковая игра» всегда опирается на неявные допущения, определяющие изнутри её как вопросы, так и ответы, истинность и ложность которых недоказуема обычным способом. Если языковая игра оказывается непродуктивной, её можно изменить путём иных правил. Например, согласно аналитической апологетике, в религии, как своеобразной языковой игре, в которой главными являются отношения человека с Богом, правила оказываются проверяемыми не сами по себе, а лишь в контексте эффективности игры. Верующий и атеист играют в разные языковые игры: слова, которые они употребляют, имеют разное значение, в результате верующие и атеисты живут в разных мирах. Религия не описывает факты, но является формой жизни. Она не имеет рационального обоснования, потому что сама является основой любого обоснования. При любой попытке её обоснования возникает логический круг: наша деятельность организована таким образом, потому что она организована таким образом. Форма жизни не может иметь ни логического, ни эмпирического обоснования. Правила поведения верующего задаются самой верой. В этом контексте высказывания «Бог есть любовь», «Бог есть истина», «Бог есть добро» — это не описания, а правила, указывающие на то, как употребляется слово «Бог». Утверждения относительно религиозных верований на самом деле представляют собой описания грамматики религиозной языковой игры. Они претендуют на то, чтобы быть одновременно и правилами грамматики и описанием реальности. Именно поэтому религиозный язык бесконечно вращается по кругу в рамках автономной игры, неизменно определяя её правила.

Актуальным и важным для анализа проблемы истины и, прежде всего, для научной истины, является вопрос о связи истины и ценностей (Подробнее см. [14]). В неопозитивизме, например, широкое распространение получил тезис свободы от ценностей, т.к. ценности вносятся в науку исследователем, выражают его субъективные пристрастия и искажают научную картину мира. Идея, что включение оценочных элементов в науку является отступлением от идеала чистой науки, продолжает жить до сих пор, но освободить познание от ценностей и оценок невозможно. Как отмечает В.Н. Порус, «овнешнение знания есть плод «натурализма» и «объективизма» — двух наименований для одного и того же представления о знании как о чём-то способном вести полноценное существование, будучи отделённым от человека, его целей и ценностей» [23, 95]. Многие выражения неявно включают оценочные и нормативные элементы. Таковы, в частности, пожелания, советы, предостережения, просьбы, обещания, угрозы и т. п. Оценки входят неявно и в целевые нормы, устанавливающие цели и указывающие средства для их достижения. Ещё одна форма неявного вхождения оценок — конвенции, которые всегда являются предписаниями и находятся в ценностном отношении к миру. Конвенциями могут вводиться новые понятия, конвенции ограничивают или расширяют уже употребляемые в науке понятия, конвенции отождествляют разные совокупности признаков. Чаще всего конвенции функционируют неявно, не осознаются теми, кто их использует. Критерии совершенства теории и регулятивные принципы познания включают принципы наблюдаемости, эмпирической проверяемости, опровержимости, простоты, красоты и т.п. Регулятивные принципы функционируют прежде всего как эвристические указатели, помогающие сформировать и реализовать исследовательскую программу, как предписания по поводу конструирования и оценки теории. Они формируются в практике научного исследования и помогают осознать закономерности познания, выполняя функцию описания. Между утверждениями теории, между теорией и описываемой реальностью всегда имеются определённые ценностные отношения.

В науке всегда есть система установлений, наиболее фундаментальные из которых — онтологические установления. Они определяют, какие элементарные объекты, процессы и положения вещей приняты в науке, каковы допустимые атрибуты и отношения и как из них строятся сложные образования. Другая группа установлений касается источников знания, таких как чувственный опыт, интроспекция, разум, откровение, факты, аналогия, авторитет, традиция. Существуют оценочные установления, которые выстраивают иерархию источников знания и определяют, в чём состоят процедуры доказательства, проверки и опровержения. Только с помощью этих установлений раскрываются источники знания, на них основывается претензия науки на объективность и проверяемость. Претензия науки на истину основывается, таким образом, на оценочных установлениях. К установлениям, привлекаемым для обоснования знания, могут относиться эстетические установления — требования симметрии, красоты. Им родственны теоретико-методологические установления, определяющие свойства теории — простота, степень фальсифицируемости, наглядности, соответствие каузальным принципам. Есть установления по поводу

неопровержимых и конвенциональных высказываний, которых придерживаются достаточно жёстко. Они определяют парадигму (Т. Кун) раскрывают внутреннее содержание жёсткого ядра научно-исследовательской программы (И. Лакатос). Без этих изменяющихся во времени допущений и установлений науки быть не может.

Научная теория даёт определённый срез действительности, но ни одна система абстракций не может охватить всего богатства действительности. В науке содержатся различные системы абстракций, которые не сводимы друг к другу, рассекают действительность в разных плоскостях. Эти системы абстракций определённым образом соотносятся друг с другом, но не перекрывают друг друга. Проблема истины остаётся проблемой характеристики объективного в знании, но сами эти характеристики усложняются. Например, научная проблема содержит в себе знание, которое невозможно использовать в практике, т.к. оно не имеет однозначной интерпретации. Такое знание преобразуют в иной тип знания с помощью исследования объекта, переформулировки, критики. В данном случае используется не корреспонденция, а когеренция, согласно которой истина представляет собой систематическое согласие выдвинутого положения с уже принятыми утверждениями, иначе говоря, в её основе лежит «внутреннее соответствие элементов знания друг другу в пределах некоторой концептуальной системы» [8, с. 170]. Объективность знания фиксируется здесь такими внутренними критериями истинности, как логичность, системность, простота, соответствие прошлому знанию, фальсифицируемость (установление ложности положения, альтернативного истинному), когерентность (согласованность высказываний системы знания), проективность (способность истинного знания к прогрессивному сдвигу проблем, расширению базисной теории) и т.д. Истина в данном случае понимается скорее в качестве методологического инструмента, который формируется в результате рефлексии и соглашения.

Привязывание науки к изменяющимся во времени и всегда специфически дисциплинарным постулатам поднимает вопрос о неизбежности истинностного релятивизма. Абсолютное обоснование претензий на истину всегда терпело крах, всякое обоснование основано на некоторых предпосылках. Необходимо воспринять урок Канта по поводу невозможности познания иначе как мыслительной схемы, которую познающий субъект приписывает предмету: «В действительности в основе наших чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы... прежде всего благодаря схеме и сообразно ей становятся возможными образы...» [7, с. 223]. Это важное указание Канта подчёркивает неизбежную необходимость принятия структурирующего преимущества со стороны познающего субъекта. По сути, схемы разума — это «человекомерные гипотезы» познания: я постигаю мир не таким, каков он есть сам по себе, но познаю таким, каков он для меня.

Нужно иметь в виду, что в познании существуют пропозициональные установки, которые принимаются без проверки, без сомнений. Они подобны стержням, вокруг которых вращаются все наши вопросы, на них основываются наши размышления и исследования. Такие квазиэмпирические установки

выступают в качестве обязательных оснований, без них невозможно выносить суждения, осуществлять расчёты, задавать вопросы. Они задают пределы, в которых происходит понимание и познание. Нельзя проводить исследование, если оно не основано на положениях, в истинности которых нельзя усомниться [3]. Так, вера в единообразие природы не есть какой-то особый принцип вне и над действиями и реакциями людей в многообразных реальных ситуациях. Напротив, этот принцип и есть сам принятый образ действий, которому мы выучиваемся, овладевая всем тем, что обязательно должен знать и уметь человек. Не выучившись этому, мы не могли бы участвовать в принятых видах деятельности, например не могли бы вести научные исследования, проверять гипотезы.

По Витгенштейну, успешность действий на основе тех или иных воззрений не является критерием истины. Нет никаких признаков соответствия наших теорий, убеждений, форм жизни самой реальности. Ни способность теории выдерживать критические проверки или описывать экспериментальные результаты, ни способность какого-либо убеждения функционировать в системе практики не дают никаких гарантий. Люди должны действовать и потому должны выбирать что-то в качестве основы своей деятельности. Однако их выбор, даже если он является вполне рациональным в контексте ситуации, осуществляется «вслепую», поскольку нет возможности сопоставить его с реальностью. Концептуальный каркас выступает как необходимое условие любой коллективной человеческой деятельности. Это не оковы, а предпосылка и инструмент познания. Любая, в том числе познавательная, деятельность предполагает коммуникацию, условием которой является известный набор разделяемых всеми правил и убеждений. Разбив их «оковы», мы не освободимся, но просто разрушим коммуникацию. Без того или иного концептуального каркаса определенный социум просто не может отражать реальность, потому что только данный каркас задаёт структуру, «код» отображения, и он же является как бы прожектором, освещающим определенные аспекты отражаемой действительности с тем, чтобы она была действительно увидена и отражена [26, с. 155].

Концептуальный каркас функционирует в качестве некоторой схемы, дающей преимущество некой онтологии, процедуре проверки, форме теории и т.п. Так происходит набрасывание на реальность понятийной сетки, которая позволяет схватывать и исследовать явления. Содержание же каркаса, напротив, черпается из опыта, его нельзя вывести из постулатов. Как отмечает К. Хюбнер, «установления задают концептуальный каркас, без которого нет физики. Но *какой* предстанет природа в рамках этого каркаса, в *каких явлениях* — это вопрос эмпирического исследования» [28, с. 80]. Концептуальная схема определяет, как и какие вопросы следует задавать природе или архивному материалу в ходе разборки архива, однако ответ предоставляет нам природа или архивный материал. Это справедливо и тогда, когда влияние наблюдателя — в квантовой теории, в социологической или психологической работе, — следует учитывать или совсем невозможно исключить. Благодаря этому рассмотрение истинных высказываний становится возможным понимать не просто как часть теории

когеренции, но — именно на основании онтологии, структурированной постулатами, — как корреспондентным образом обоснованные высказывания. Д.В. Пивоваров считает, что в связи с этим в науке наиболее эффективен «инвариантный подход»: «если объект преобразуется независимыми группами операций, а в содержании образа создаётся инвариант, независимый от специфики операций, то такой инвариант можно назвать аналогом предметного значения знания» [9, с. 612]. Физик получает тем самым право говорить о свойствах элементарных частиц как о реально данных референтных объектах, и его онтологический реализм обретает благодаря этому обоснование: «После выбора схемы — пишет Элкана, — мы ищем со ссылкой на неё объективную истину — фактическую реальность» [25, с. 70].

Наше мышление само возможно только в контексте обладания языком, при наличии интерсубъективной коммуникации. В этом контексте проблема истинности как общезначимости существенно усложняется, т.к. требует признания коммуникативной природы познания, социокультурной обусловленности способов решения познавательных проблем. Базисом объективности знания является интерсубъективность. Пока мы не знаем, что происходит в сознании других людей, нет смысла утверждать, что у нас есть понятие объективности, понятие о чём-то, что существует в мире независимо от нас.

История науки убеждает, что картина мира постоянно изменяется, полной достоверности у науки нет. Следовательно, не стоит противопоставлять единственную истину множеству заблуждений, нужно постепенно преодолевать наивно-реалистическое понимание трактовки истины как независимой ни от человека, ни от человечества, отождествление познания только с объект-субъектными отношениями, а субъекта — с «сознанием вообще» как гарантом объективности знания. В современной гносеологии допускается плюрализм используемых языков, моделей методов при интерпретации познавательных проблем, многоликость истинного результата, его определения через множество мнений, возможностей, путей, средств. Познание воспроизводит мир постольку, поскольку мир выступает миром человека, зеркалом его возможностей, поэтому вполне можно согласиться с тем, что «признание фундаментальности интерпретативной деятельности субъекта понимающего, интерпретирующего, познающего — одна из основных черт новой парадигмы познания» [16, с. 377]; «субъект «творит» истину, преобразуя объект, себя и знание о мире и объекте» [17, с. 66],

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
2. Введение в философию. Учебник. В 2 ч. Ч. 2. М., 1989.
3. Витгенштейн Л. Философские работы: В 2 ч. Ч. 1. М., 1994.
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое: М., 1989.
5. Гибсон Д. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.

6. *Ионов И.Н.* Историческая наука: от «истинного знания» к полезному знанию // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4.
7. *Кант И.* Сочинения. Т. 3. М., 1964.
8. *Касавин И.Т.* Истина // *Новая философская энциклопедия*. В 4 т. Т. 2. М., 2001.
9. *Касавин И.Т.* Миграция, креативность, текст. СПб., 1999.
10. *Куайн У.* Слово и объект. М., 2000.
11. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // *Полн. собр. соч.* Т.18. М., 1976.
12. *Ленин В. И.* Философские тетради // *Полн. собр. соч.* Т. 29. М., 1976.
13. *Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург, 1994.
14. *Лэйси Х.* Свободна ли наука от ценностей? М., 2001.
15. *Мамардашвили М. К.* Лекции о Прусте. М., 1995.
16. *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М., 2002.
17. *Микешина Л.А., Опенков М.Ю.* Новые образы познания и реальности. М., 1997.
18. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? М., 1991.
19. *Назаретян А.П.* Истина как категория мифологического мышления // *Общественные науки и современность*. 1995. № 4.
20. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. М., 1998.
21. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // *Сочинения*: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
22. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.
23. *Порус В.Н.* Эпистемология: некоторые тенденции // *Вопр. философии*. 1997. № 2.
24. *Разум и экзистенция*. СПб., 1998.
25. *Современный философский словарь*. 2-е изд. М., Минск, 1998.
26. *Сокулер З.А.* Проблема обоснования знания. М., 1988.
27. *Франк С.Л.* Свет во тьме. М., 1998.
28. *Хьюбнер К.* Критика научного разума. М., 1994.
29. *Швырёв В.С.* Рациональность как ценность культуры. М., 2003.